

Садко (5)

Ише был-жил Садко новгородцькия,
Он ведь сделал все гусельци ярóвцяты,
Он из хитрых же Садко да был хитёр-мудёр,
Ен ходил-то все играл да все ко озёру,
Он ведь день ходил играл, да он другой играл.
Выплывала царица Белорыбица:

— Уж ты гой еси, Садко новгородския!
Ты сходи-ко-се во лавочки торговые,
Ты купи-ко-се, купи да все разных шелков,
Извяжи-ко-се ты все да ты шолкóв нёвóд,
Замеци-ко-се ты в это цюдо-озёро;
Я пошлю-то золотых тебе три рыбинки.

Он ведь скоро сходил в лавки торговые,
Он ведь скоро мётал да все шолкóв нёвод,
Изловил-то он да эти рыбинки.

Говорит ему царица Белорыбица:

— Ты поди-тко-се тепере бейсе все с купцёми о велик заклад,
Выбивай у них три лавоцьки с товарами заморьскимима;
Ай скажи, што «изловлю-то золотых я вам три рыбинки».

Пробегали купци да в свои лавоцьки;
Обцэнили у его да перьву рыбинку,
Перьву рыбинку-ту обцэнили ведь во сто́ рублей,
Другу рыбинку-ту обцэнили целу тысяцю,
Третью рыбинки тут ведь цэны нё было.
Ай пробиили все ведь лавки с товаром разным,
А пробиили три чернёных своих кáраблей, —
Оттого ли-то Садко купец богатой стал.
Он пошел-то на черных все на кáраблях,
Торговать-то он пошел да все ведь в разны гóрода,
Торговал-то он ходил да все как с прибылью.
Он пошел-то опеть да во второй након.
Ишше вси-ти кáрабли по морю как да соколý летят,
Ай Садкóськой-от кáрабь как ведь на якорю́ стоит;
А пошли его чернёны многи кáрабли.
Ай Садко купец по кáраблю похаживат,

Он ведь беленькими ручками розмахиват,
Золотыма-ти персьнями принабрякиват,
Он белыма-ти пальцями принашшалкиват,
Он жолты́мя все кудрями принатрясыват,
Он ведь сам все говорил да таковы реци:
— Ишше кольки по синю́ морю не хаживал —
Я морському ця́рю дани-пошлины не плацивал,
Вы спускайте-ко, мои млада матросики,
Вы спускайте-тко-се боцьку с красным золотом,
А дру́гу боцьку спускайте с цистым се́ребром.

Ишше эти боцьки-то все поверх воды несет.
Да сказал-то Садко купец новгороцькия:
— Не берет у нас морской царь дани-пошлины.
Уж вы делайте, матросицьки, вы же́ребьи,
Ай себе-то делайте вы жеребьи дубовые,
Ай ведь мне-ка сделайте вы жеребей да красна дерева.

Ишше вси ведь жеребьи поверх воды плывут,
Ай Садкосько' жеребей да ко́ дну ка́менём.
Уряжалсэ в дорогó свое да в платьё цьветноё,
Он садилсэ-то во белу модну шлюпоцьку,
Он ведь брал-то себе да все ведь гусельци,
Он ведь гусельци себе да звоньцяты они,
Он садилса во ету скоро шлюпоцьку,
Ай он стал ведь во гусельци поигрывать:
— Вы прошшайте-тко, мои млады́ матросицьки!

Полетел у Садка червён кара́бь да как во крыльици,
Перестыг-то все чернёных цюжих ка́раблей.
Как Садко-то не поспел взглянуть да на чернён кара́бь, —
Утянула все его царица Белору́бица,
Ай приводила ево все к царю ко морському-ту:
— Ты бери-ко-се, бери же ты, морской ведь царь,
Ты бери-ко-се Садка, купця новгороцького,
Ты бери-ко-се ево на трои сутоцьки,
Засади его играть да в звоньцяты́ гусли.

Говорит же цярь морской да таковы реци:
— Я сижу-ту ведь, Садко новгороцькой же,
Уж я жду тебя ровно́ три годицька.
Поиграй-ко-се во гу́сельци звоньця́тые,
Ты утешь меня, царя, все со царицою.

Заиграл-то все Садко новгородския;
Заплясали-то же царь все со царицею,
Ведь плясали они все во синём морі.
А играет ведь он да целы сутоцьки,
А играет-то он да все другі сутки,
Да играет-то он да третьи сутоцьки.
Как ведь приходит к ему Микола все Можайської-от:
— Тебе полно играть, Садко новгородския!
Ты прирви возьми свои да звоньцяты гусли:
На синём-то ведь мори сделалась больша погодушка
Да от той ли от пляски-то царя с царицею
Ище много изгубило людей добрых,
Ище много ведь погибло черных караблей
И того больше погибло все мелкых судов.

Приломали-то взяли звоньцеты гусли.
Говорил-то тут да ёму все ведь царь морьской:
— Я ведь цим тебя, Садка-купця, подарствую,
Я ведь цим-то все тебя дарить буду, ударивать?
Говорил ёму Садко новгородския:
— Покажи-тко мне своих да тридцеть красных девицок.

Росказал ему Никола все Можайския:
«Ты бери-тко-се Настасью все царевну-ту;
Он наредит-то тебе все тридцеть девицок,
Он наредит-то ведь в платьице всих в парноё,
Всех-то в парно-то их в платье, всех в однакоё,
Посадит он все Настасью-ту царевну-ту,
Посадит-то ей да все в середки-то;
У Настасьи-то ведь оци ясна сокола,
Ишше брови-ти у ей да черна соболя.
Уж ты ту смотри, Садко, купець новгородския,
Уж ты ту бери да за себя замуж.
Хоть жалеть будет ведь царь да своей доцери,
Не бери ты больше некакой новой».
Приказал-то наредитьце все морьской ведь царь
Ишше всим-то им в однако платье цветноё.
Замечает Садко новгородской-от:
«Што мне взеть будёт Настасью-то получше всех».
Они вси-то сидят будто парнёхоньки,
А Настасья потянула руцьку правую

Да мигнула Сад-купцю да черным глази́ком.

Он ведь тут-то скоро догадаи́тьце,

Говорит-то он скоро все цярю морьскому-ту:

— Мне вот та же моя да богом сужона.

Тут ведь царь-от стоит да испугаи́тьце:

— Не своим ты, Садко, умом, верно, на́казаной,

Не отдам я за тебя свою-ту до́ць любимую:

Ай у мя-то Настасьюшки-то матушка была со святой Руси,

Со святой была Руси ведь матушка, из каменнóй Москвы.

Тут ставала Настасья на резв́и ноги,

Говорила царю все таковы ре́ци:

— Уж ты гой еси батюшко любимой мой,

Не розлужи же ты меня с Садком, купцем богатыим,

Отдавай-ко-се меня ты с цести, с радости,

Дай ты мне-ка же приданым три-то ка́рабля чернёных,

Нагрузи-ко товарами да дорогима все:

Ты один кара́пь грузи-ко красным золотом,

Ты другой кара́пь грузи-ко цистым се́ребром,

Ты третей кара́пь грузи ка́меньём драгоценным.

Ишше тут царь просватывал свою любиму до́ць,

Нагрузил ему ведь вси чернёны три-то кара́бля:

Ишше перьвой кара́бь да с красным золотом,

Да другой же кара́пь да с цистым се́ребром,

А третей кара́пь с ка́меньём драгоценным;

Спроводил-то он Садка-купця да с цести, с радости.

Ай выходит Садко новгоро́цькия,

А выходит Садко да на синё морё,

На синё-то морё, морё Хвалыньское.

Ишше дал ему господь-бог поветерь способную,

Им способную поветерь, уносную.

Они скоро же приходят во Но́вой-град;

Он ведь скоро все обстыг вси чернёны свои ка́рабли,

Он ведь скоро выгружал товары-ти заморьские,

Он ведь скоро делал Миколы-то да все Можайському,

Делал он божью́ церковь,

Он ведь божью-ту церкву богомольнею

А Тому ли-то Миколы все Можайському.

(Записано А. В. Марковым в 1899 г. от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет, в д. Нижняя Зимняя Золотица на Зимнем берегу Белого моря)

Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. С предисловием В. Ф. Миллера. М., 1901.